

ОДИССЕЙ

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Social Entities
and Their Metaphorical
Interpetations*

Moscow IWH RAS 2021

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Социальные категории и их
интерпретация на языке
метафор*

ИВИ РАН 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.),
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА (отв. ред.),
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.),
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С. БОБКОВА,
кандидат исторических наук Е.Д. БРАУН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: ИВИ
РАН **2021** : Социальные категории и их интерпретация на языке метафор /
[гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. О.Е. Кошелева, А.Б. Герштейн]. – 2021.
– 000 с. –

ISSN 1607-6184

Очередной выпуск альманаха «Одиссей» («Социальные категории и их интерпретация на языке метафор») посвящен анализу представлений о принципах и формах социальной стратификации в разных культурах. На огромном историческом материале, относящимся к разным эпохам (от Средневековья до раннего Нового времени) и регионам, на примере разнообразных источников – от морально-дидактических и политических трактатов до памятников искусства – авторы обсуждают следующие вопросы: как функционировало социальное воображение в традиционном обществе, как люди описывали тогда устройство современного им общества, по каким принципам вычленили социальные категории и какие мыслительные практики для этого использовали. В других разделах выпуска публикуются статьи и исследования по античной истории и истории крестовых походов. Раздел рецензии представлен критическим этюдом А.Б. Герштейн о новой книге М.Р. Майзульса «Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха».

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкой читательской аудитории.

© Коллектив авторов, 2021

© Кошелева О.Е. Герштейн А.Б., отв. ред.
выпуска, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Луцицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (Вместо введения)

DOI: 10.32608/1607-6184-2021-29-1-15-15

Аннотация: Статья служит введением к публикации материалов конференции «Социальные категории и их интерпретации на языке метафор». В ней ставится вопрос о том, как люди описывали социальное устройство в Средние века и раннее Новое время, когда отсутствовало абстрактное понятие общества, а принципы его стратификации были совершенно иными в сравнении с нашими. По мнению автора, чтобы проникнуть в социальное воображение прошлого, важно помнить, что в то время люди осмыслили структуру общества преимущественно в категориях метафор – например, тела, шахмат, дерева, семьи и пр. Именно эти метафоры анализируются в публикуемых ниже статьях, написанных по материалам конференции. В них авторы пытаются анализировать различные образы социального порядка, отраженные в письменных и визуальных текстах.

Ключевые слова: социальное воображение, социальные категории, представления о структуре общества, язык метафор.

Keywords: social imagination, social entities, understanding of social structure, metaphorical language.

Вопрос о том, как люди прошлого представляли себе структуру общества, на какие страты его делили и как описывали его устройство, в последние десятилетия неоднократно обсуждался в исторической науке¹. Изучение настоящей проблематики на примере обществ, существовавших до эпохи модерна, дает историку возможность испытать то самое «пряное ощущение анахронизма», о котором так ярко писал Л.М. Баткин. Дело в том, что вплоть до XVI в. в Европе по существу

¹ Вот только некоторые из наиболее значимых работ: *Struve*. 1978; *Serverat*. 1997; *Oexle*. 2001: 92–143; *Hess*. 2013; *Уваров, Дубровский*. 2001.

не было теоретического понятия общества, отсутствовала четкая рефлексия о его расчленении на противостоящие друг другу слои, да и само понятие социальной категории как абстрактной единицы такого членения тоже было чуждо как Средним векам, так и раннему Новому времени.

Действительно, наши привычные понятия о социальной структуре рушатся, когда мы обращаемся к средневековым и другим памятникам: мы не обнаруживаем в них привычных для нас социальных феноменов — таких, как сословия, страты, социально-правовые категории и пр. Это отнюдь не означает, что люди не задавались вопросом о социальных группах, конституирующих общество. Просто их критерии классификации были совершенно иными — весьма нерасчлененными и как правило морально окрашенными. Эти критерии могли включать социопрофессиональную принадлежность, социальную функцию, нравственно предписанную роль; соотноситься с таксономией грехов и добродетелей или иерархией ангельских чинов². Они позволяли людям прошлого выделять социальные совокупности, с нашей точки зрения, весьма произвольно: противопоставлять христиан и нехристиан, а среди последних — «хороших» и «плохих», клириков и мирян, свободных и «сервов», а также здоровых и больных, взрослых и малолетних, женатых и неженатых и пр.³ Таких классификаций, иногда напоминающих систематизацию животных по Борхесу, было очень много, и принципы стратификации в целом отличались исключительным разнообразием. Как следствие, социальные грани в этих обществах были размытыми и текучими. Нам сложно разобраться даже с терминами, которыми пользовались средневековые люди для передачи понятия социальной категории. Казалось бы, мы должны обратиться к известной тройственной модели, делившей общество на выполняющих разные функции *tres ordines* — *oratores, bellatores* и *laboratores*⁴. Действительно, термин *ordo* ближе всего к современному понятию общества (ведь он подразумевает разделенность на страты и иерархические отношения между ними), но, как показывают современные исследования, этот концепт отражал весьма специфическую идею социальной гармонии и миропорядка, ничего общего не имеющую с нашими представлениями о социальной структуре⁵. Проникнуть в социальное воображаемое, узнать, как люди прошлого осмыс-

² См. об этом: *Бессмертный*. 1982: 168–174; *Согомонов, Уваров*. 2001: 199–215.

³ См.: *Бессмертный*. 1982: 179–181.

⁴ *Duby*. 1978 (См. пер. на рус. язык.: *Дюби*. 2000).

⁵ См.: *Oexle*. 2001: 100–141; *Jussen*. 2006: 227–256.

ляли социальные отношения чрезвычайно сложно, так как нам не всегда понятны те мыслительные практики, которые в отдаленные эпохи использовались для воспроизведения социальной реальности. Эти практики были, конечно, весьма специфичными, и стоит прежде всего помнить о том, что в Средние века и раннее Новое время весьма часто устройство общества интерпретировали в категориях метафоры. И здесь на помощь историкам, изучающим эту тему, приходят когнитивные науки, которые указывают на значимость риторических фигур в восприятии мира и продуцировании смыслов.

Согласно известным когнитивистам Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «метафоры определяют сознание» и «по сути являются феноменами, обеспечивающими понимание»⁶. Действительно, они структурируют наши представления о мире; на них строится не только историческое, но, как выясняется, и социальное воображение⁷. Метафоры представляют собой очень важный инструмент описания и интерпретации окружающей реальности, в том числе социальной, и дают ключ к пониманию многих общественных процессов.

В самом деле, различные метафоры общества (такие, как дерево, здание, семья, война, корабль, тело и пр.) мы весьма часто обнаруживаем в морально-дидактической и теологической литературе⁸, и чаще всего именно при помощи метафор интеллектуалы, скажем, Средневековья, осмыслили общество как некую целостность и единство. В подтверждение этой мысли можно привести всего лишь несколько примеров. В первую очередь стоит вспомнить о ключевой универсальной средневековой метафоре – единого мистического тела Церкви (1 Кор.: 12-27). В соответствии с паулинской концепцией, наполнившей новым смыслом античный образ общества как тела, христианская *universitas* осмыслилась как *corpus Christi*, тело Христово. Похоже, именно эта метафора позволяла средневековому обществу воспринимать себя как целостность, ибо люди Средневековья осознавали свою общность благодаря сопричастности единому сакральному началу. Впоследствии, как мы знаем, метафору единого мистического тела стали переносить и на государство, появилось христианизованное представление о *res publica*, государственном (социальном) теле, члены которого все вме-

⁶ Лакофф, Джонсон. 2004.

⁷ Метафоре как средству анализа общественного сознания был посвящен специальный выпуск альманаха. См.: Гуревич. 2007. В настоящем выпуске мы отчасти возвращаемся к этой проблематике, сузив ракурс анализа и фокусируя внимание на социальных метафорах.

⁸ См. об этом: Struve. 1984: 123–148.

сте служат Богу. Так, в частности, изображено «политическое тело» – государство – в трактате Иоанна Солсберийского «Поликратик»⁹. Примечательно, что все средневековые модели социального рассматривались как отражение божественного порядка и были холистическими. А целостность, единство с точки зрения Средневековья заключалось в неравенстве, ибо, как считалось, для достижения социальной гармонии люди должны выполнять разные роли, разделяться на служащих и господствующих. Метафора тела, заимствованная из античности, видимо, лучше всего передавала идею сотрудничества различных *membra*, выполняющих дифференцированные функции, ради общего блага, и неслучайно ею пользовались размышлявшие в разное время писатели¹⁰.

Та же идея единства в неравенстве лежит в основе другой метафоры – упоминавшейся выше модели *tres ordines*. Св. Августин считал, что *ordo* представляет собой некий способ упорядочивания равных и неравных вещей (*ordo est parium dispariisque rerum sua cuique loca distribuens dispositio*)¹¹. Судя по всему, в Средние века стабильность подразумевала неравенство, диспропорцию, которую символизирует число три. Именно поэтому тернарные модели, как например, троиственная, считались наиболее устойчивыми — ведь они отражали Св. Троицу.

Примечательно, что начиная с XIV в. средневековые авторы пытаются осмыслить социальные отношения с помощью метафоры шахмат. Шахматы, конечно, напрашивались на социальную аллегорию – шахматные фигуры (король, королева и др.) легко отождествляются с социальными группами, а рассказ о расположении фигур на шахматной доске и правилах их перемещения помогал средневековым моралистам наставлять читателей и слушателей в том, как выстраивать социальные отношения. Появление шахматной метафоры означало также радикальную смену прежней тернарной схемы, отражающей Святую Троицу, на совершенно иную – четвертичную (бинарную). Согласно средневековым представлениям, при переходе от тернарности к бинарности исчезает параллель земля-небо, где существуют три лика

⁹ В этом сочинении, написанном в сер. XII в., общество было представлено в виде человеческого тела: голова это государь (*princeps*), сердце – королевский совет (*senatus*), руки – чиновники: невооруженная рука – исполнительная власть (*officiales*), вооруженная – армия, ноги, которые «несут» все общество – крестьяне и ремесленники. См. об этом: *Mager*. 1991: 229–239; *Struve*. 1984: 303–317.

¹⁰ См. об этом статьи П.С. Бычкова и Л.А. Пименовой в настоящем издании.

¹¹ *Augustinus Hipponensis*. 1748: 334.

Святой Троицы. Новая четвертичная модель воспринималась как менее стабильная, чем тернарная, но, видимо, в большей степени была пригодной для того, чтобы отразить общественные изменения, ибо она позволила включить в социальную метафору четвертое сословие – купцов, ремесленников и пр. и так обеспечить социальную гармонию¹².

Появление новых социальных метафор отнюдь не означало исчезновение прежних. В конце XIV в. немецкий писатель Й. Роте написал стихотворную поэму «Ratsgedichte»¹³, в которой вернулся к старой органической (телесной) метафоре, тщательно сравнивая общество с человеческим телом, как это в свое время делал Иоанн Солсберийский. Саму телесную модель Йоханнес Роте редуцировал до городско-го общества – аналогии между обществом (государством) и телом он транспонировал на город. Каждый из выделяемых им социальных слоев он отождествил (в полном соответствии с идеей «Поликратика») с той или иной частью тела: ратмейстера – с головой, ратманов – с сердцем, камергеров – с руками, писцов с глазами, судей – с горлом и устами и пр.¹⁴

Интересно, что возникшее еще в классическое Средневековье представление об *ordines*, конституирующих общество, возрождается в конце XV в. в поэме брауншвейгского чиновника Херманна Боте «О многих колесах» (*Van veleme Rat*)¹⁵. Однако число этих *ordines* было уже не три, как в тройственной модели, а пять. В ней средневековый писатель изобразил общество, представив его отдельные страты в виде пяти полезных колес телеги, которые отождествляются Боте с папой, императором, знатью, бюргерами и крестьянами; а также пяти бесполезных колес, олицетворяющих социальные группы, выделенные по типично средневековым критериям – женщины, дети, аферисты, глупцы и преступники...

Приведенные здесь примеры метафорического осмысления общества в Средние века и раннее Новое время взяты почти наугад. Но даже этот краткий экскурс показывает нам, что, анализируя метафоры, можно узнать нечто важное и о принципах членения социального целого на части, и о степени близости представлений об обществе действительности. Как видим, в эту эпоху общество не описывалось эксплицитно, социальная реальность не воспроизводилась прямо, для ее

¹² См. об этом: *Luchitskaya*. 2012: 277–279.

¹³ *Rote*. 1971.

¹⁴ См. об этом сочинении: *Peil*. 1990: 317–322.

¹⁵ *Honemann*. 1991: 24–42.

изображения часто использовался фигуративный язык. Поэтому, как нам кажется, расшифровав язык социальных метафор, мы поймем мыслительные практики людей прошлого и сможем раскрыть их представления об общественной структуре.

Здесь самое время сделать оговорку: современные дефиниции метафор, конечно же, отличаются, скажем, от средневековых определений риторических тропов – ведь в Средние века не было, например, понятия метафоры в узком лингвистическом смысле. Поэтому нам непросто выделить в наших текстах фигуративный язык, являющийся характеристикой всех тропов – зачастую мы делаем это интуитивно. Ведь многие образы социального целого, о которых пойдет речь, не воспринимались в прошлом как метафоры или были стертыми метафорами. С другой стороны, риторические фигуры, которые мы сегодня интерпретируем как метафоры, в Средние века воспринимались буквально, так как выражали глубоко укорененные верования (например, «Бог-Судия»). В общем грань между буквальным и переносным смыслом пролегалла в прошлом не там, где она пролегает сегодня¹⁶. Поэтому речь будет идти не столько о метафорах в тесном смысле слова, сколько о социальной образности. Иными словами, нам придется придерживаться расширительного толкования метафоры, понимая под ней не только литературный троп, но и некие способы познания мира, и не столько фигуру речи, сколько фигуру мысли. А это значит, что мы попытаемся изучить в качестве литературных тропов образы социального порядка и социальных общностей, запечатленные в текстах Средневековья и раннего Нового времени. Собственно, опыты анализа языка метафор и представлены в настоящем издании.

Так, например, П.С. Бычков реконструирует образ общества, отраженный в трактате Кристины Пизанской «Книга политического тела». Заимствуя у Иоанна Солсберийского телесную метафору государства и общества, писательница существенно обновила ее и адаптировала к нуждам Франции, переживавшей в то время глубокий государственный и церковный кризис. С одной стороны, Кристина Пизанская преобразовала знакомую нам тройственную модель, исключив из верхней страты духовенство и заменив его государем, попутно вводя идею его ответственности перед подданными; с другой – дала более дифференцированную характеристику третьему сословию, служивше-

¹⁶ Hess. 1991: 31–36.

му инструментом в борьбе политических партий (бургундских и орлеанских герцогов), а также обсудила его участие в политической жизни.

А.В. Русанов рассматривает метафоры, которые в позднее Средневековье использовались в (само-)описании ученых корпораций – главным образом университетов – с целью обоснования своего статуса и легитимации своего существования. Автор исследования показывает, что наряду с широко распространенными правовыми концептами (*studium generale, schola*) средневековые авторы привлекали образы высшей школы, имевшие глубокие корни в Священном Писании и каноническом праве, а также отсылали к «образцовым» текстам авторитетных университетов. Как явствует из анализа документов (папских булл, королевских хартий, университетских уставов и пр.) с помощью метафор ученые корпорации пытались не только осмыслить свое место в обществе – те же метафоры становились частью риторических стратегий университетов в их отношениях со светской и духовной властью.

Как свидетельствует исследование Л.А. Пименовой, метафора государственного тела, о которой шла речь в статье П.С. Бычкова, сохраняла свою актуальность и в раннее Новое время. Так, в конце XVI в. королевский советник Шарль Фигон редуцировал ее до должностной иерархии и представил французскую монархию как «древо сословий и должностей». Другим телесным визуальным образом Франции была в этот период «республика» (политическое тело монархии), которая в соответствии с тогдашними представлениями состояла в политическом браке с монархом. По мнению Л.А. Пименовой, французские мыслители стали со временем выражать сомнение в правомерности использования метафор в качестве средства описания социальной реальности, видя в них исключительно риторический прием. И уже к концу XVIII в. телесная метафора изжила себя и была по-новому переосмыслена в контексте концепции общественного договора. Образ же Франции как супруги короля со временем трансформировался в фигуру Республики-Марианны.

Об уже знакомых нам образах – семьи, дома, войны, а также тела и других «органических» метафорах (времен года, болезни и здоровья и пр.) – повествует статья А.П. Петуховой. В ней автор на материале российской прессы рубежа XIX–XX вв. проанализировала эти важнейшие метафоры. С их помощью консервативные публицисты, с одной стороны, описывали проблемы взаимоотношений Российской империи с национальными меньшинствами, с другой – решали проблемы самоидентификации русских. Поскольку в этих текстах, как показыва-

ет А.П. Петухова, социальное и национальное чаще всего сливались воедино, то анализ метафорического языка публицистов позволил вскрыть представления об обществе, характерные для кризисного периода.

Наряду с «органическими» метафорами одним из самых популярных в мировой культуре социальных образов была, конечно, метафора корабля, имеющая еще библейские корни (Быт. 6.13-8.19). Она всегда занимала прочное место в коллективном социальном воображении. По мнению Т.В. Артемьевой, эта метафора не только часто служила образом общества-государства во главе с умелым капитаном – человеческая жизнь также нередко сравнивалась с хрупким челном, противостоящим морю – миру, полному страстей и опасностей. Именно в таком смысле метафора корабля используется в исследованном Т.В. Артемьевой «Путеводителе к истинному человеческому счастью», принадлежащем перу русского философа-моралиста А.Т. Болотова (†1833). С помощью этой метафоры автор трактата интерпретирует процесс борьбы разума и чувств в душе индивида: образ жизни человека рассматривается как отражение его «внутреннего социума», сравнимого с работой команды корабля, ведомого капитаном-разумом к добродетельной жизни и обретению счастья.

Распознать способы осмысления общества в Средние века и раннее Новое время невозможно, не обратившись к изображениям, которые наглядно визуализировали представления людей прошлого о социальной структуре. Именно поэтому в исследовании темы пристальное внимание было уделено иконографическим источникам.

Цикл работ, посвященных визуальным метафорам, открывает статья Л.Б. Сукиной. Ее автор на примере иконы «О тебе радуется» пытается реконструировать идеальную модель социума в культуре Московского государства рубежа XV–XVI вв. Как мы помним, на этой иконе на фоне храма и райского града изображена Богородица с божественным Младенцем, окруженная ангелами, а ниже – «Человеческий род», под которым подразумевается собор всех святых по чинам. Именно эта иконографическая композиция помещена в фокус анализа Л.Б. Сукиной. В отличие от своих предшественников, нередко пытавшихся идентифицировать изображенных в ней персонажей с конкретными историческими фигурами, исследовательница интерпретировала этот сюжет как метафорический образ общества конца XV – начала XVI вв., которое составляли самые различные группы клириков и мирян – образ, соответствующий представлениям того времени.

Другой важный тип иконографических источников по нашей теме анализируется в статье А.Е. Махова. Речь идет об эмблематике,

которую по справедливому суждению историка, можно назвать своего рода «инструментом по производству метафор» – визуальных, словесных и пр. В частности, в этих источниках именно в виде визуальных метафор отражены многие моральные и социальные идеи стоицизма. Так, например, в эмблемах часто метафоризируются два полюса социального учения стоиков – с одной стороны, идеал замкнутого в себе самодостаточного мудреца (уподоблявшийся скале), а с другой – представление об идеальном социуме, социальной гармонии и всеобщем равенстве. Эквивалентом подобного представления являются в исследуемых А.Е. Маховым эмблемах метафоры весов или чаши.

И еще одна визуальная метафора общества рассматривается в статье Д. Харман. Речь идет о гравюрах «Жирная кухня» и «Бедная кухня», созданных по рисункам Питера Брейгеля Старшего (1569) и приобретших популярность во второй половине XVI – начала XVII вв. Обогадив традиционную иконографию («Христос в доме Марфы и Марии», «Тайная вечеря»), Брейгель создал совершенно новую интерпретацию религиозного сюжета. В своих произведениях художник противопоставляет скупцов и расточителей и вместе с тем – в более широком смысле – два типа отношения к земным благам. Анализируя визуальный язык знаменитых гравюр, можно прийти к выводу, что в них получили косвенное отражение проблемы нидерландского общества. Проведенный Д. Харман иконографический анализ дает возможность интерпретировать гравюры как метафору социальной мобильности и понять, в какой форме в нидерландском искусстве сер. XVI в. выражались нормы и ценности нарождающегося «среднего класса».

Итак, рассматривая сочинения теологов, моралистов, публицистов и художников, анализируя используемый ими язык метафор, мы действительно узнаём многое о том, как люди прошлого представляли себе структуру современного им общества. Эти представления, конечно, не были простым воспроизведением действительности – рассмотренные здесь письменные и визуальные источники свидетельствуют о том, что появление новых социальных метафор было связано с перестройкой общественных отношений весьма и весьма опосредованно. Но и взаимосвязь этих моделей с реальными процессами мы не можем рассматривать лишь в плане отражения некоего мыслительного процесса – они явно были не только средством описания общества, но и способом воздействия на его развитие. Расшифровывая метафорический язык, с помощью которого авторы трактатов и изображений описывали современное им социальное устройство, мы убеждаемся в том, что в Средние века и раннее Новое время не существовало фигуратив-

ного выражения абстрактного концепта общества, как и единой его метафоры. На самом деле, этих метафор было огромное множество, они были разными в разных странах и разные периоды, и чтобы понять их, нужно связать их с историко-культурным контекстом, в котором они использовались. Подобный подход к анализу принципов конструирования социального в Средние века и раннее Новое время и представлен в публикуемых здесь исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Sancti Aurelii Augustini episcopis Hipponensis Libri XXII De Civitate Dei. Napoli, 1748.

Rote Johannes Ratsgedichte / Hg. Von H. Wolf. B., 1971 (Texte des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit. Bd. 25).

ЛИТЕРАТУРА

Бессмертный Ю.Л. Представления людей Средневековья об общественной структуре и действительность // *Культура и общество в Средние века: методология и методика зарубежных исследований* / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 1982. С. 168–184.

Гуревич А.Я. (глав. ред.) *Одиссей. Человек в истории: История как игра метафор. Метафоры истории, общества и политики.* М., 2007.

Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления общества о самом себе / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М., 2000.

Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем.* М., 2004.

Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // *Одиссей. Человек в истории: Русская культура как исследовательская проблема.* М., 2001. С. 199–215.

Уваров П.Ю., Дубровский И.В. (сост.) *Конструирование социального.* Европа. V–XVI вв. М., 2001.

Duby G. *Les trois orders ou l'imaginaire du féodalisme.* P., 1978.

Hess C. *Social Imagery in Middle Low German: Didactical Literature and Metaphorical Representation (1470–1517).* Leiden; Boston, 2013.

Honemann V. *Die Stadt bei Johannes Rothe und Hermann Bote* // *Hermann Bote. Städtisch-hansischer Autor in Braunschweig 1488–1988. Beiträge zur Braunschweiger Bote Kolloquium* / Hg. H. Blume, E. Rose. Tübingen, 1991. S. 24–42.

Jussen B. 'Ordo' zwischen Ideengeschichte und Liexikometrie: Vorarbeiten an einem Hilfsmittel mediaevistischer Bergiffsgeschichte // *Ordnungsfunktionen im hohen Mittelalter* / Hg. B. Schneidmueller, S. Weinfurter. Osfildern, 2006. S. 227–256.

Luchitskaya S. *Chess as a Metaphor for Medieval Society* // *Saluting Aron Gurevich. Essays in History, Literature and Other Related Subject* / Ed. A. Korros et al. Lieden, 2012. P. 277–299.

Mager W. «Res publica» chez les juristes, théologiens et philosophes à la fin du Moyen age: sur l'élaboration d'une notion-clé de la théorie politique moderne // *Actes de la*

Table Ronde de Rome. 12–14.11.1987. Publ. de l'École française de Rome. 1991. Т. 147. P. 229–239.

Oexle O. G. Percieving Social Reality in the Early and High Middle Ages. A contribution to a History of Social Knowledge // *Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations* / Ed. B. Jussen. Philadelphia, 2001. P. 92–143.

Peil P. 'Hende, Arme, Fuss und Beyne'. Anmerkungen zur organologischen Metaphorik in den Ratsgedichte des Johannes Rothe / *Zeitschrift des deutschen Altertums und deutscher Literatur*. 1990. Bd. 119. Hf. 3. S. 317–332.

Serverat V. Le pourpre et la glèbe. Rhétorique des états de la société dans l'Espagne médiévale. Grenoble, 1997.

Struve T. Die Entwicklung der organologischen Staatsauffassung im Mittelalter. O.o., 1978.

Struve T. The Importance of the Organism in the Political Theory of John of Salisbury // *The World of John of Salisbury* / Ed. M. Wilks. Blackwell, 1984. P. 303–317.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Лучицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В
СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (*вместо*
Введения).....5

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ, СОКРОВИЩНИЦА
НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
МЕТАФОРЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ.....16

П.С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ.....35

Л. А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....51

Т.В. Артемьева

«ОБРАТНАЯ» МЕТАФОРА КОРАБЛЯ: ЧЕРЕЗ СОЦИУМ
К МЕТАФИЗИКЕ.....69

А.П. Петухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЯД В ТЕКСТАХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....80

Л.Б. Сукина

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА
НА РУССКИХ ИКОНАХ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»
КОНЦА XV–XVI В.....99

Д.Д. Харман

ТАК СУДЬБА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ: «ЖИРНАЯ КУХНЯ» И
«БЕДНАЯ КУХНЯ» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО КАК
МЕТАФОРА НИДЕРЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в.....123

А.Е. Махов

СТОИЦИЗМ И ЕГО МЕТАФОРЫ В КНИЖНОЙ
ЭМБЛЕМАТИКЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....145

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ
ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА.....176

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

О.А. Соколов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ЭПОХИ
АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....201

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Герштейн

МИР МЕЖДУ РАЕМ И АДОМ: ПРАЗДНИК ТРЁХ ЦАРЕЙ
ИЕРОНИМА БОСХА (Рец. на: *М.Р. Майзульс*. Между Христом и
Антихристом: «Поклонение Волхвов» Иеронима Босха». М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 238 с.).....218

SUMMARIES.....223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....230

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....232

СОДЕРЖАНИЕ.....233

CONTENTS.....235

CONTENTS

SOCIAL ENTITIES AND THEIR METAPHORICAL INTERPRETATIONS

S.I. Luchitskaya

METAPHORS OF SOCIETY: THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL IMAGINATION (in lieu of an introduction).....5

A.V. Rusanov

THE HOUSE OF SCHOLARSHIP, THE SEEDS OF KNOWLEDGE,
THE TREASURY OF SCIENCE: RHETORICAL IMAGERY
AND SOCIAL METAPHORS OF 13th AND 14th CENTURIES
WESTERN EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITIES.....16

P.S. Bychkov

THE USE OF BODY METAPHOR IN DESCRIBING THE
SOCIAL IN CHRISTINE DE PIZAN'S "THE BOOK OF
THE BODY POLITIC".....35

L.A. Pimenova

FROM THE MONARCHY TREE TO NATION: THE USE
OF METAPHORS IN EARLY MODERN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE.....51

T.V. Artemyeva

THE 'REVERSE' SHIP METAPHOR: APPROACHING
METAPHYSICS VIA SOCIETY.....69

A.P. Petukhova

THE STRUGGLE FOR THE AUDIENCE: METAPHORS IN THE
TEXTS OF LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES
RUSSIAN CONSERVATIVES.....80

L.B. Sukina

A VISUAL METAPHOR OF THE MEDIEVAL SOCIETY IN
THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURIES RUSSIAN
"IN THEE REJOICETH" ICONS99

D.D. Harman

THUS FATE KNOCKS AT THE DOOR: PIETER BRUEGEL

THE ELDER'S 'THE FAT KITCHEN' AND 'THE THIN KITCHEN' AS A METAPHOR OF SOCIAL MOBILITY.....	123
---	-----

A.Eu. Makhov

STOICISM AND ITS METAPHORS IN EARLY MODERN EMBLEM BOOKS.....	145
---	-----

IMAGES OF POWER

M.A. Vedeshkin

FROM 'GREEKLING' TO 'THUNDERBOLT': THE MANY NICKNAMES OF EMPEROR JULIAN.....	176
---	-----

HISTORICAL MEMORY

O.A. Sokolov

THE CRUSADES IN THE ARABIC RENAISSANCE POETRY AND PROSE.....	201
---	-----

REVIEWS

A. B. Gerstein

THE WORLD BETWEEN PARADISE AND HELL: "FEAST OF THE THREE KINGS" BY H. BOSCH (Rev.: <i>Maizuls M.R.</i> Between Christ and Antichrist: "The adoration of the Magi" by H. Bosch. Moscow.: Alpina non-fiction, 2021. 238 p.).....	218
---	-----

SUMMARIES.....	223
----------------	-----

POLICY PAGE.....	232
------------------	-----

LIST OF AUTHORS.....	233
----------------------	-----

CONTENTS.....	235
---------------	-----